

Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи Малороссіи—переходная эпоха, заканчивающая собою исторію свободной Украины и начинающая жизнь малороссійскаго народа въ теперешнихъ ея условіяхъ.

На рубежѣ 17 и 18 вѣковъ подъ пепломъ сожженныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной Украины погребена была свобода Малороссіи и ея оплотъ—козачество. Но пламени горящаго костра сразу не потушить: еще нѣкоторое время будутъ тлѣть его искры, готовые вновь вызвать пламя при благоприятныхъ условіяхъ. Послѣ эпохи такъ называемой «руины» (падающей собственно на 60 и 70 годы 17 вѣка), Малороссія уже не могла вернуть себѣ автономію и времена «Хмельничины», но горячаго матеріала было еще достаточно и въ 18 вѣкѣ: сыны и внуки козаковъ не могли легко разстаться со своей свободой и скоро забыть ее. Начались народныя реакціи, которыя тянутся на протяжении всего 18 вѣка.

Въ то время въ Украинѣ было два хозяина: по правую сторону Днѣпра малороссами властвовала обезсиленная въ государственномъ отношеніи панская Польша, на лѣвомъ берегу Днѣпра упрочивалось «самовластіе Москвы». Опекуны лѣвобережной Украины держали населеніе ея въ ежовыхъ рукавицахъ; правый-же берегъ Днѣпра лежалъ въ предѣлахъ государства,

«стоявшаго своимъ безнравьемъ» («Polska nierządem stoi»),— тутъ было, конечно, больше простора для протеста. Естественно поэтому, что украинскія народныя реакціи сосредоточиваются въ предѣлахъ польской Украины.

Начало этимъ народнымъ движеніямъ положили *гайдамаки*. Гайдамачество, если смотрѣть на него съ внѣшней стороны—со стороны однихъ жизненныхъ проявленій, представляло собою разбойничество въ широкихъ размѣрахъ. Возможно оно было только въ Польнѣ, при ея тогдашней внутренней неурядицѣ, при полномъ разстройствѣ въ ней исполнительной власти. Но далеко не одно это обстоятельство и не одинъ только просторъ украинскіхъ степей, да сосѣдство Запорожья и воспоминанія о недавней козачинѣ создали гайдамачество. Главная причина появленія и живучести этого болѣзненнаго отзвука былой козачины лежала гораздо глубже—въ самыхъ условіяхъ жизни украинскаго народа того времени. Что это такъ, о томъ свидѣтельствуютъ симпатіи къ гайдамацкимъ «рухамъ» народа малороссійскаго, который время отъ времени, въ значительной своей части, бросалъ мирную жизнь и въ компаніи гайдамаковъ разбойничалъ.

Ежегодно, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, шайки гайдамаковъ, съ наступленіемъ весны, собирались вокругъ своихъ предводителей—«ватажковъ» и разсыпались по польской Украинѣ, грабя и разоряя помѣщиковъ и ихъ имѣнія. Успѣху гайдамаковъ много способствовало содѣйствіе крестьянъ—обычно тайное; порою-же значительныя массы народныя открыто соединялись съ гайдамаками для совмѣстныхъ дѣйствій. Сильнѣе другихъ гайдамацкія движенія въ Малороссіи проявились въ 1734, 1750, 1768 и 1789 г.г. Изъ нихъ наибольшаго вниманія безусловно заслуживаетъ украинское возстаніе 1768 года («*Коліїщина*»), которое преимущественно предъ прочими можетъ быть названо возстаніемъ *народнымъ*, а не гайдамацкимъ. Остановившись нѣсколько на разсмотрѣніи этого возстанія и его причинъ, мы легче увидимъ, чѣмъ главнымъ образомъ обуславливались народныя реакціи на Украинѣ въ 18 вѣкѣ.

Солидность размѣровъ даннаго возстанія не можетъ подлежать сомнѣнiю. Правъ былъ поэтъ (Т. Г. Шевченко), сказавшій объ участникахъ возстанія 1768 года, что они «добре погулялы: трохы не рикъ (почти годъ) шляхетською кровью наповалы Украину». И официальные, и неофициальные документы того времени свидѣтельствуютъ, что это былъ не простой гайдамацкiй «рухъ» или набѣгъ, а нѣчто гораздо большее—«мужицкiй бунтъ», грозившiй принять чрезвычайно широкiе размѣры. Явившiйся результатомъ всеобщаго тогда возбужденiя украинскаго народа, онъ готовъ былъ охватить собою всю Украину—оба берега Днѣпра; тогда, по выраженiю поэта, «зазвонили въ уси дзвоны по всiй України».

Гдѣ-же причины этого «огнедышащаго изверженiя народной мести и вражды» ¹⁾, этого «бурнаго порыва изнеможенной народной души и неистощенной физической народной мощи» ²⁾, выразившагося въ безпощадномъ пролитii крови цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей?

Вопросъ о причинахъ даннаго возстанiя—«*Колiвщини*»—учеными рѣшается разнообразно.

Несомнѣнно, что причины возстанiя сложны и многочисленны, что однако не должно препятствовать отысканiю главной причины, доминирующей надъ остальными.

Первой и, думаемъ, главной причиной даннаго возстанiя, какъ и прочихъ украинскихъ возстанiй, было социальное-экономическое положенiе народа. Польское панство превратило украинскую народную массу въ безправныхъ «хлоповъ». Вспомните слова знаменитаго Костюшко, истиннаго польскаго патрiота 18 вѣка, который писалъ объ украинскихъ крестьянахъ, что они «не имѣють никакого права» и «едва смѣють думать безъ воли своихъ пановъ». Рядомъ съ безправiемъ украинскаго «хлопа»,

¹⁾ М. А. Максимовичъ, собр. сочиненiй, Кiевъ, 1876 г., т. I, стр. 625.

²⁾ Я. Шульгинъ, «Очеркъ Колiвщини», Кiевъ 1890 г., стр. 179.

развился до крайности помѣщичій произволъ, злоупотребленія арендной системы, эксплуатація крестьянскаго труда и имущества. Если въ началѣ и срединѣ первой половины 18 вѣка крестьяне правобережной Украины пользовались нѣкоторыми льготами, то къ концу той-же половины и къ началу второй (т. е. какъ разъ незадолго предъ возстаніемъ 1768 г.) положеніе ихъ, по минованіи срока льготъ, сильно ухудшилось и сразу стало невыносимымъ (что было особенно чувствительно послѣ предшествовавшаго періода льготъ).

При такомъ положеніи вещей могъ быть выходъ—бѣгство изъ польскихъ предѣловъ, и оно практиковалося, но въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. Куда было бѣжать? Бѣгство въ совершенно чуждую по вѣрѣ и языку, полуварварскую Турцію мало кого могло прельстить. Въ Запорожьѣ могли уйти немногіе, въ комъ не было склонности къ осѣдлой жизни; да къ тому-же въ то время Запорожьѣ доживало свои послѣдніе дни, постепенно теряя свои права и вольности,—близокъ уже былъ часъ уничтоженія Сѣчи (послѣдовавшаго въ 1775 году). Естественнѣе всего, если рассуждать теоретически, было уходить въ предѣлы единоплеменной и единовѣрной Россіи. Но практика жизни говорила другое. Тяжелый помѣщичій гнетъ нарождавшагося на лѣвомъ берегу Днѣпра малороссійскаго дворянства—бывшей войсковои старшины, отсутствіе правильной администраціи и выработанныхъ самую жизнью народа законовъ, властно давящая сильная рука русскаго правительства, задавашагося цѣлью «обрусенія» края, — все это создавало такія условія жизни, что вынуждало порою малоросса бѣжать и изъ лѣвобережной Украины.

Соціально-экономическое положеніе малороссійскаго народа, въ его массахъ, было по существу одинаковымъ на обоихъ берегахъ Днѣпра,—оно было тягостно народу, и изъ него былъ собственно одинъ выходъ—протестъ въ видѣ кроваваго возстанія. На русской территоріи не было простора для бунта,—возстанія устраивались на польскихъ земляхъ. Но въ числѣ участниковъ возстанія 1768 г. вы встрѣтите многихъ недовольныхъ и изъ лѣвобережной Украины. Малороссовъ—подданныхъ обоихъ госу-

дарствъ—объединяло недовольство своими властями, своими порядками, своими панами, своею приниженностью, своею вынужденною нищетою,—и это недовольство неудержимо влекло и тѣхъ и другихъ къ возстанію. Возстаніе 1768 г., самое серьезное изъ украинскихъ возстаній, возникши въ предѣлахъ Польши, взволновало и жителей русской Украины, и еслибы не было своевременно подавлено русскими войсками, оно перенеслось-бы въ лѣвобережныя земли Украины, гдѣ несомнѣнно существовало тогда народное недовольство.

Прочитайте воззваніе руководителей возстанія 1768 г. къ народу¹⁾, и вы ясно увидите, что больше всего волновало народъ, чего онъ жаждалъ, къ чему стремился. Украинскому народу хотѣлось «выбиться изъ неволи», «освободиться отъ ярма и тягостей», и его возмущали «кривды» и «обирательства» властей и пановъ, его манила мечта—стать свободнымъ и получить «права и вольности». Развѣ не имѣютъ сходства эти мотивы недовольства возставшихъ съ мотивами недовольства, высказаннаго всѣми слоями населенія лѣвобережной Украины какъ-разъ за годъ предъ возстаніемъ, въ 1767 году, чрезъ депутатовъ въ екатерининскую «комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія»? Прочитайте записку современника—Теплова²⁾ о тогдашнемъ состояніи жившаго въ предѣлахъ русскаго государства малороссійскаго народа, и изъ одной этой записки вы увидите, насколько печально было социальное-экономическое положеніе народныхъ массъ въ лѣвобережной Украинѣ въ то время и сколько здѣсь было отдѣльныхъ причинъ и поводовъ, вызывавшихъ народное недовольство. Неудивительно поэтому, что лѣвобережные крестьяне въ 1768 г. бѣжали за Днѣпръ, чтобы, соединившись со своими братьями-подданными Польши, за одно выразить свой кровавый протестъ

1) См. у Н. И. Костомарова.—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 2 изд., Спб., 1870 г., стр. 102, и у В. А. Мякотина «Крестьянск. вопросъ въ Польшѣ», Спб., 1889 г., стр. 88.

2) Напечатана во 2 т. «Записокъ о Южной Руси» П. А. Кулиша.

противъ своей общей «недоли». И когда противъ возставшихъ выступили русскія войска, то на увѣщанія русскихъ офицеровъ сдаться—возставшіе отвѣчали выстрѣлами¹⁾.

Главный факторъ возстанія—соціально-экономическій. Но нѣкоторыми учеными (напримѣръ, покойными—М. А. Максимовичемъ, М. О. Кояловичемъ, Ѳ. Г. Лебединцевымъ и др.) на первый планъ выдвигается факторъ религіозный—до того, что всё прочіе сводятся почти къ нулю. Согласиться съ ними нельзя. Конечно, не можетъ быть совершенно игнорируемымъ фактъ религіозныхъ преслѣдованій въ Польшѣ, которыми до нѣкоторой степени питалось тутъ народное недовольство. Насильственное распространеніе уніи, несомнѣнно, было ненавистно народу²⁾, но религіозный гнетъ для православнаго украинца былъ лишь частицей того общаго гнета, въ которомъ прежде всего и сильнѣе всего чувствовался элементъ соціально-экономическій. Если бы это возстаніе носило прежде всего колоритъ религіозный и возникло исключительно на религіозной почвѣ, оно не увлекло бы въ своемъ потокѣ лѣвобережныхъ малороссовъ, незнакомыхъ съ гнетомъ религіознымъ, оно не ставило бы главнымъ объектомъ ненависти возставшихъ «панське тило», оно меньше задѣло-бы душу народа, неспособнаго ясно различать тонкости вѣроисповѣдныхъ различій уніи и православія³⁾, оно утихло бы сразу по прибытіи въ край православныхъ русскихъ войскъ...

1) См., напр. свидѣтельство объ этомъ кн. Н. В. Репнина въ письмѣ къ А. Обрѣзкову отъ 10/21 іюля 1767 г. (въ польск. дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М-ства Иностр. Д., св. 21).

2) См., напр., объ этомъ польскія свидѣтельства—«Основа», 1862 г., мартъ, стр. 11 и у Т. Корвона въ его «Wewnętrzne dzieje», 2 изд., Варшава, 1897, т. I.

3) Вѣрно по этому вопросу высказывается кн. Н. В. Репнинъ въ письмѣ отъ 24 іюня 1768 г. къ генералу Кречетникову, говоря о возставшихъ, что «они подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону» (т. е. исповѣданія); письмо см. въ связкѣ 20 въ названномъ выше архивѣ и дѣлахъ.

Нѣкоторые (напримѣръ, Д. Л. Мордовцевъ, Скальковскій и др.) особенно подчеркиваютъ роль въ возстаніи одной личности— православнаго игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго, стоявшаго во главѣ духовенства, боровшагося въ польской Украинѣ съ уніей. Они готовы взвалить на этого монаха всю вину за возстаніе. Не подвергая детальному разсмотрѣнію этого вопроса ¹⁾, скажемъ лишь, что подобное подчеркиваніе роли одной личности врядъ-ли допустимо съ научной точки зрѣнія и это тѣмъ болѣе, что документальныхъ данныхъ, которыя-бы подтверждали участие въ возстаніи Мелхиседека, не имѣется. Еслибы возстаніе было дѣломъ рукъ этого игумена, оно, конечно, носило-бы самую яркую религіозную окраску и не приняло-бы тѣхъ широкихъ размѣровъ, въ какихъ проявилось. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нѣкотораго отношенія къ возстанію игумена Мелхиседека. Мелхиседекъ своею дѣятельностью поспособствовалъ проясненію въ народныхъ массахъ религіозно-національнаго самосознанія и усиленію недовольства противъ поляковъ, какъ гонителей вѣры отцовъ; онъ возбудилъ борьбу украинцевъ съ поляками на почвѣ религіозной, а это послужило сигналомъ къ вспыскѣ возстанія противъ гнета во всемъ его объемѣ. Тутъ уже Мелхиседекъ не игралъ роли.

Были и другія причины и обстоятельства, благопріятствовавшія возстанію. Воспоминанія о прошломъ Украины увлекали народную фантазію въ заманчивую даль былой вольной жизни, пробуждали стремленіе къ волѣ, рождали надежду на возвращеніе потеряннаго. Въ народной памяти какъ живые стояли образы козаковъ—непримиримыхъ протестантовъ противъ гнета и зависимости, отважныхъ добытчиковъ желанной воли; эти образы манили къ себѣ и звали на подражаніе. Отважные гайдамаки и запорожцы, тѣсно соприкасавшіеся съ народными массами, под-

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей замѣткѣ въ «Кіевск. Старинѣ», 1905 г., январь.

держивали въ нихъ старый козацкій духъ и мѣшали всецѣло втянуться въ мирную жизнь безмолвнаго, покорнаго раба. Постоянные беспорядки и волненія въ предѣлахъ польскаго государства, разнаго рода конфедераціи, присутствіе русскихъ войскъ,— все это волновало украинцевъ, нарушало ихъ мирную жизнь, приучало къ выраженію протеста, порождало надежду на успѣхъ. Составившаяся въ началѣ 1768 года Барская конфедерація раздѣлила Польшу на два враждебныхъ лагеря,—соблазнъ къ возстанію былъ великъ. Польская политика императрицы Екатерины сбивала съ толку украинцевъ относительно цѣлей ея, и заигрыванья ея съ малорусскимъ населеніемъ Польши могли вызывать въ народныхъ массахъ разныя объясненія, неясныя надежды и во всякомъ случаѣ волновали народъ. При томъ-же борьба съ поляками, веденная раньше вѣками, вошла уже въ народную традицію. Послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ указанными особенностями польской государственной жизни того времени, обусловило то, что возстаніе, несмотря на присутствіе горячаго матеріала на обоихъ берегахъ Днѣпра, вспыхнуло именно на польской территоріи.

Всѣ эти причины и обстоятельства, не исключая и религіозныхъ преслѣдованій православныхъ въ Польшѣ, имѣли значеніе только дополненія къ тому главному, что прежде всего возмущало народъ. Правовое и экономическое положеніе малороссійскаго народа играло тутъ главную роль. Оно главнымъ образомъ придавало возстанію 1768 г. характеръ возстанія народнаго и крестьянскаго, упорнаго и продолжительнаго; оно же лежало и въ основѣ всѣхъ народныхъ реакцій въ Малороссіи въ 18 вѣкѣ и позже.

Украинское возстаніе 1768 года стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ исторіи Малороссіи. Оно—послѣдній, слабый уже отзвукъ старой борьбы Малороссіи съ Польшей и собственно первое крестьянское возстаніе на Украинѣ, начинающее собою рядъ вспыхивающихъ время отъ времени вотъ уже полтора вѣка бун-

товъ и волненій, въ которыхъ не слышно уже старой борьбы козаковъ за вѣру и народность, но раздается настойчивый протестъ противъ ненормальностей соціального строя и экономического положенія народныхъ массъ украинскаго народа¹⁾.

Вл. П—но.

¹⁾ Едва-ли не лучше другихъ подходятъ къ разрѣшенію вопроса о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ 18 в. г.г. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ», Спб., 1889 г.) и Истоминъ («Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-зап. Россіи въ 18 в.», «Кіев. Унив. Иавѣстія», 1892 г., февраль).